

О РАЗВИТИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ДИФТОНГОВ В КЕНТСКОМ ДИАЛЕКТЕ¹

А. СТЕПОНАВИЧЮС

В настоящей работе рассматриваются два основных вопроса, которые являются, по сути дела, двумя аспектами одной и той же проблемы:

1. Фонетическая и фонологическая интерпретация реликтов древнеанглийских дифтонгов [iō], [ēo], [ēa] в среднекентском диалекте;

2. Изменения, затронувшие древнеанглийские дифтонги в этом диалекте.

Древнеанглийские краткие дифтонги [iō (ēo)], [ēa] в среднекентском изменились в звуки, которые пишутся *e*, *a* — так же, как и в других диалектах. Поэтому и судьба кратких дифтонгов в кентском не привлекала к себе внимания. Между тем реликты долгих дифтонгов в памятниках среднекентского стали писаться очень своеобразно:

др. а. [iō (ēo)] > ср. кент. *ye* (*ie*), *y* (*i-*), *e*;

др. а. [ēa] > ср. кент. *ea*, *ya* (*ia*), *yea* (*iea*), *ye*, *e*².

¹ Теоретическими и методологическими предпосылками для предлагаемой работы служат признание фонемности как долгих, так и кратких дифтонгов, которые фонетически трактуются как особые звуки скольжения, двугласные фонемы, складывающиеся из артикуляции от переднего гласного по направлению к центральному или заднему гласному. Между собой они противопоставляются как фонемы разных степеней раскрытия. Такую трактовку можно было бы назвать „традиционной“, но всякая критическая оценка как „традиционных“, так и „новых“ взглядов на фонологический статус и фонетическую природу древнеанглийских дифтонгов остаётся за пределами этой работы (см. S h. K u h n, On the Syllabic Phonemes of Old English, „Language“, vol. 37, N 4 (1961), стр. 522, где указываются новейшие исследования древнеанглийских дифтонгов). Конечно, сами выводы этой работы будут до некоторой степени подтверждением правильности или неправильности тех положений, на которых основывается исследование.

² Все эти знаки употребляются в Dan Michels *Ayenbite of Inwyrt*. — кентском памятнике, который сохранился в авторской рукописи с 1340 года (Arundel Ms. 57 в Британском музее):

yede < др. а. *ēode*;

chyese, *chiese*, *chise*, *chyzeþ* < др. а. *cēosan*;

ury, *uri* < др. кент. *frio*;

healde, *hyelde*, *hiealdeþ*, *hyalde*, *hyelde* < др. а. *hea dan* (с удлинением);

beleawe, *belyawe*, *bylewe* < др. а. *be-*, *bi-*+ *lēafa*.

Нужно заметить, что во всех среднекентских письменных памятниках диграфы *io*, *eo* почти вышли из употребления. Единичные случаи в *Poema Morale* (Ms. Digby A. 4 начала

Поэтому развитие древнеанглийских дифтонгов в кентском диалекте представляет большой интерес для фонологических исследований. Тем не менее, такие исследования, насколько известно, не были предприняты.

Но и фонетическая природа реликтов древнеанглийских дифтонгов в среднекентском до сих пор вызывает самые разные предположения, хотя не только в исторических грамматиках английского языка, но и в специальных работах, содержащих обширный и детальный лингвистический анализ отдельных письменных памятников, всегда делались попытки истолковать написания реликтов.

Л. Морзбах³ предполагал почти такое же произношение, какое традиционная грамматика устанавливала для древнеанглийских дифтонгов:

ēa, *ēā*, *iā* (др. а. [ēa]) и *iā* (др. а. [iō (ēo)]), но написание *e* на месте др. а. *eo*, *ea* он понимал как звук *ē* или *e*⁴.

Многие считают, что древнеанглийские долгие дифтонги сохранились в среднекентском как восходящие дифтонги. Суит⁵ их обозначает *jā* (др. а. [ēa]) и *jē* (др. а. [iō (ēo)]), Хойзер⁶ *ǣ*, *jǣ* и *iē*, Уайлд⁷ [*jā*] или [*jé*, *jē*] и [*jé*]. Но в другом месте Уайлд прямо говорит, что нельзя окончательно решить, были ли реликты древнеанглийских дифтонгов в среднекентском дифтон-

13 века) — *deoflen*, *dofles*, *feond*, *deorlinges* — и в поэмах Вильяма из Шорехема (William of Shoreham, Ms. Addit. 17376 в Брит. музее, середина 14 в.) — *yseo*, *iseoþ*, *yseoþ*, т. ж. *soeþ*, *foend*, *foerþe* — объяснимы как результаты внешнего влияния на орфографию этих слов. Реликты дифтонга [iō (ēo)] обычно пишутся *ye*, *ie* в *Auenbite*, *Poema Morale*; часты они и в „Кентских проповедях“ (Ms. Laud. 471 в библиотеке Бодлеяна, 13 в.). У Вильяма из Шорехема это обычно *e*, *ee*; *e* употребляется и в других памятниках.

Для реликтов [ēa] традиционное написание используется рядом с новыми.

ia в первый раз попадает в *Poema Morale*, где норма *ea* (e):

viawe < (наряду с *veawe*) < др. а. *fēawe*;

hialde < др. а. *healdan*;

ialde < др. а. *eald*.

³ В Кентских проповедях *ia*, *ya* часты:

beliaue < др. а. *lēafa*;

diath, *diapē*, *diadlich* < др. а. *dēap*, *dēad*;

griat(e) < др. а. *grēat*;

yare < др. а. *ēare*.

Наряду с ними пишется *beleauē*, *beleaué*, *great*, *greater*, *deþ*, *gret(e)*, *belauē*, *feauē*.

Знаки *yea*, *iea* впервые появляются в *Auenbite*.

У Вильяма из Шорехема можно найти почти такое же разнообразие знаков, как и в *Auenbite*: *dead(e)*, *diap*, *deþ*, *grounyas* < др. а. *lēas*, *heald(e)*. (Среднекентские формы цитировались по М. Конрату, *Zur Laut- und Flexionslehre des Mittelkentischen*, „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen“, Bd. 88, стр. 48–49, 54–56.)

Л. Н о r s b a c h, *Mittelenglische Grammatik*, Halle (1896), стр. 22, 23. Ср. S h. K u h n, ук. соч., стр. 537, где тоже предполагается сохранение в 14 в. дифтонгического [iā] или [iā] < др. а. [ēa].

⁴ Здесь и далее сохраняется фонетическая транскрипция такой, как она дается в цитируемых работах.

⁵ Н. Sweet, *A History of English sounds*, Oxford (1888), § 645, 659, 679, 683.

⁶ W. Heuser, *Zum Kent. Dialekt im Mittelenglischen*, „Anglia“, Bd. 17, стр. 76, 81.

⁷ Н. С. Wyld, *A Short History of English*, London (1914), § 166, 168.

гами или монофтонгами⁸. Райт⁹ признает сохранение восходящих дифтонгов до 14 в.: как он объясняет, др. а. [ēa] стал восходящим дифтонгом во второй половине 12 в. и писался *ea, ia, ya, yea*, в 14 в. — *e*, реже *ye*, что должно значить, что к этому времени он стал *ē* (по Райту, видимо, долгим открытым гласным). Аналогично развивался дифтонг [īo (ēo)], который тоже через стадию восходящего дифтонга изменился в *ē* в 14 в.

Лучше учитывает реальные факты точка зрения, по которой древнеанглийские дифтонги сохранились как таковые в некоторых определенных положениях и стали монофтонгами в других.

Конрат¹⁰ в своей богатой фактическим материалом работе считает, что др. а. [ēa] в начале слова стал *jē*, в середине — *ē*, др. а. [īo (ēo)] — *jē* в начале, *ē* в середине.

Наличие монофтонгов и дифтонгов в кентском диалекте в 14 в. на месте др. а. [ēa], [īo (ēo)] признаёт и К. Люик¹¹. По интерпретации Люика, написания *ea* — *ya, yea* отражают развитие др. а. [ēa], которое привело к восходящим дифтонгам *ea, ia*, и написания *ea* — *ē* развитие того же дифтонга в монофтонг *ē*; для реликтов др. а. [īo (ēo)] написания *ie* — *ye(ē)* должны обозначать восходящий дифтонг *ie*, откуда, может быть, развилось *ē*, и написания *ie* — *i, ū* значат *i* (в конце слова).

У упомянутых в этом кратком обзоре авторов многое заслуживает внимания. Видимо, в процессе изменения слоговым ядром действительно стал второй элемент дифтонга (такова природа „восходящих дифтонгов“). Целесообразной должна быть признана фонетическая интерпретация реликтов древнеанглийских дифтонгов с учетом положения в слове и звукового окружения. Но в общем вопрос древнеанглийских дифтонгов в кентском диалекте решается очень непоследовательно, противоречиво. При фонетической интерпретации звуковая природа реликтов выводится из слишком прямолинейного понимания их орфографического обозначения или, наоборот, игнорируются некоторые закономерности в употреблении орфографических знаков. Иллюстрацией первой крайности может быть предположение Валленберга рассматривать написания *yea (iea)* как обозначение трифтонга *iea*¹². Крайностью второго рода является точка зрения, по которой все разнообразные написания должны обозначать только дифтонг либо только монофтонг. Получается это потому, что нет ясного понимания развития древнеанглийских дифтонгов в кентском диалекте.

⁸ Его же, *A History of Modern Colloquial English*, New York (1937), стр. 41—42.

⁹ Joseph and Mary Wright, *An Elementary Middle English Grammar*, Oxford (1934), § 63, 67.

¹⁰ M. Konrath, ук. соч., стр. 64, 65—66, 169. Конрат неубедительно аргументирует свое предположение: он считает, что такое распределение получилось потому, что еще в древнеанглийском в начале слова перед дифтонгами [ēa], [ēo] появился *j*. Далее произошло — как и в других диалектах — стяжение дифтонгов, причем протетический *j* сохранился: [ēa], *ēo* > *jēa, jēo* > *jā, jē*.

¹¹ K. Luick, *Historische Grammatik der Englischen Sprache*, Leipzig (1921), § 359.

¹² K. Wallenberg, *The Vocabulary of Dan Michel's Ayenbite of Inwyt*, Uppsala (1923), стр. 307.

Так как большинство исследователей считает, что среднекентские дифтонги были восходящими, само изменение древнеанглийских дифтонгов в кентском обычно понимают как переход от нисходящих дифтонгов к восходящим. Притом в перетяжке ударения видят первопричину своеобразного кентского изменения дифтонгов. Основной недостаток теории перетяжки ударения состоит в том, что игнорируются некоторые ранние изменения дифтонгов (вопрос слияния [ʃo] и [ēo]), связь с изменениями, затрагивающими другие гласные (сужение [ǣ]). Хотя перетяжка ударения считается первопричиной специфически кентского развития дифтонгов, никто даже не пытался установить, в чем просодические условия в кентском могли отличаться от условий в других диалектах. Вряд ли было бы и возможно установить это.

Модифицированной теорией перетяжки ударения является интерпретация Люика¹⁴. Развитие древнеанглийских дифтонгов в кентском диалекте Люик объяснял, исходя из предположения о существовании так называемых уравновешенных дифтонгов (schwebende Diphthonge) *ea*, *ie*, которые в зависимости от условий ударения в предложении становились восходящими или нисходящими дифтонгами и могли претерпеть некоторые дальнейшие изменения:

ea > *ɛa*, после дентальных *ja*,
ea, *eǣ* > *ē* 14 в.;

ie (< *io*) > *ie*, откуда, может быть, возникло *ē*,
ie, *iǣ* > *ī* (в конце слова).

Хотя при интерпретации конечных изменений как будто учитывается положение в слове и фонетическое окружение, Люик представляет дело так, что как восходящие, так и нисходящие дифтонги могли появляться в любых положениях. Синтагматическое распределение имело значение только для дальнейшей их судьбы. Например, изменение *ie* > *ie*, *iǣ* не должно зависеть от конечного положения в слове; этим определяется только дальнейшее изменение нисходящего дифтонга: *ie*, *iǣ* > *ī*. Как уже говорилось, Люик объяснял развитие уравновешенных дифтонгов в сторону восходящих или нисходящих дифтонгов разными просодическими условиями в предложении. Что он конкретно подразумевал под этими условиями, остается неясным. Недоказуемо и само существование уравновешенных дифтонгов. Люик дал во многих отношениях убедительную фонетическую интерпретацию среднекентским написаниям не с помощью теории перетяжки ударения, а учитывал регулярность употребления орфографических знаков. Иногда именно стремление все свести к уравновешенным дифтонгам и изменению по двум направлениям (т.е. к восходящим и нисходящим дифтонгам) явилось причиной неубедительных предположений в этой трактовке. Так, например, если предположение, что чередующиеся написания *ea* — *ē* обозначают монофтонг, а написания *ea* — *ya*, *yea* — дифтонг, по крайней мере для многих случаев кажется убедительным, то произношение, обозначаемое Люиком *ē* для первых и *ɛa*,

¹⁴ К. Luick, ук. соч., § 359.

ia для вторых, уже менее правдоподобно даже в такой приблизительной транскрипции: многочисленные, даже можно сказать, обычные случаи беспорядочного употребления всех знаков свидетельствуют о фонетической близости обоих звуков. Реликты др. а. [*ēa*] в среднекентском Люик обозначал *ē* и *ea*, *ia* потому, что первый он возводил к нисходящим дифтонгам *ea*, *eā*, в то время как вторые были восходящими.

Особую обзорную часть работы я кончу изложением точки зрения Йордана¹⁶, так как она представляется мне наиболее логичной. Йордан весь процесс изменения древнеанглийских дифтонгов в кентском изображает как сужение первого элемента, перетяжку ударения и утрату *j* в некоторых положениях. Несмотря на свою элементарность и сжатость, такое объяснение не должно вызывать возражений. Перетяжка ударения здесь ставится в зависимость от уменьшения полнозвучности первого элемента при сужении, а не считается первопричиной изменения.

В настоящей работе я тоже попытаюсь показать, что кентское изменение дифтонгов прежде всего характеризуется сужением их первого элемента. Сам процесс я понимаю как изменение двугласных фонем, какими были древнеанглийские дифтонги, в бифонемные сочетания в среднекентском, которые принято считать „восходящими дифтонгами“.

* * *

Развитие древнеанглийских дифтонгов в кентском диалекте нужно понимать как очень длительный процесс, охватывающий изменения как в фонетической природе, так и в фонологическом статусе этих дифтонгов. К самым первым изменениям относится слияние кратких и долгих [*fo*], [*ēo*]. Фонологическое противопоставление между этими дифтонгами сохранилось ненадолго и в других диалектах. Считается, что в мерсийском и уэссекском [*fo*] > [*ēo*] в 8—9 вв., в нортумбрийском позже¹⁶.

О судьбе обоих дифтонгов в кентском диалекте нет такого единства мнений.

Зиверс¹⁷, Райт¹⁸, Куэрк и Рен¹⁹ считают, что как краткий, так и долгий [*ēo*] слился с [*fo*], т. е.

[*ēo*] > [*fo*].

Люик, Йордан предполагают только переход [*ēo*] > [*io*]; в кратком [*ēo*], по их мнению, тенденция к сужению первого элемента отмечалась лишь в начале, а потом в кентском, как и в других диалектах, должно было произойти изменение [*io*] > [*ēo*]²⁰.

¹⁶ R. Jordan, *Handbuch der Mittlenglischen Grammatik*, Heidelberg (1934), § 82, 85.

¹⁷ См. *Altenglische Grammatik nach der Angelsächsischen Grammatik von Eduard Sievers*, neubearbeitet von Karl Brunner, Halle (1951), § 38; K. Bülbring, *Altenglisches Elementarbuch*, Heidelberg (1902), § 111, 112, 113, 140, 142, 143, 236, 237, 239; K. Luick, *ук. соч.*, § 261; R. Jordan, *ук. соч.*, § 70, 74, 86.

¹⁸ E. Sievers, *ук. соч.*, § 38.

¹⁹ Joseph and Elizabeth Mary Wright, *Old English Grammar*, Oxford (1934), § 85, 137; J. Wright, *El. Gr.*, § 67.

²⁰ R. Quirk and C. L. Wrenn, *Old English Grammar*, London (1959), § 205.]

²⁰ R. Jordan, *ук. соч.*, § 70, 74, 85; K. Luick, *ук. соч.*, § 260, 261.

Бюльбринг²¹ также говорит о слиянии [ēo] > [io], но, в отличие от других, предполагает слияние [io] и [ēo] в каком-то промежуточном между ними дифтонге [ʰeo].

Очень нечетки, иногда даже противоречивы и высказывания о времени данных изменений. По Зиверсу, Бюльбрингу, Лююку слияние началось с 7 в. Но если Бюльбринг считает, что дифтонги слились уже в конце 7 в., то по представлению Лююка, Зиверса это был очень длительный процесс, который закончился только в 10 в.

Некоторые авторы довольствуются самыми общими формулировками: изменения просто относятся к древнеанглийскому периоду или по крайней мере к его концу (Йордан, Райт, Кун)²², или даже время совсем не упоминается и лишь говорится о тенденции слияния в дифтонге [io] (Куэрк и Рен)²³.

Правильному решению данного вопроса должен способствовать прежде всего детальный анализ письменных документов, в которых можно обнаружить следы слияния.

Дифтонги [ēo], [io] орфографически больше не различаются в кентских грамотах²⁴ 9 в.

Как подсчитал Кэмпбелл²⁵, в грамотах 34—44

др. а. [ēo] пишется eo 30, io 3, ia 9, ea 3 раза;

[io] — eo 9, io 19, ia 2, ea 3 раза;

[ēo] — eo 9, io 17, ia 5, ea 1 раз;

[io] — eo 2, io 11, ia 8 раз.

Такое орфографическое смещение можно считать достоверным доказательством фонологического слияния как кратких, так и долгих дифтонгов [io], [ēo]. Так как эти дифтонги уже плохо различаются на письме в грамотах самого начала века, наличие изменений во второй половине 8 в. не должно вызывать сомнений²⁶. Трудно сказать, происходило ли слияние в 7 в. Дока-

²¹ К. Bülbring, ук. соч., § 112, 141, 238.

²² К. Jordan, ук. соч., § 74, 85; J. Wright, El. Gr., § 67; S. h. Kuhn, ук. соч., стр. 538.

²³ R. Quirk, ук. соч., § 205.

²⁴ Грамотами (англ. „Charters“) здесь называются юридические документы частного характера: дарственные акты земель или привилегий, соглашения о покупке, аренде и т. п., завещания, [предоставление вольной, и написанные сперва по-латыни, где встречаются английские имена, а потом обычно по-английски. Они восходят к римскому праву, для них характерны определенные штампы, заимствованные из латыни, даже сам язык может считаться своеобразным юридическим жаргоном. Но в орфографии такой традиционности не должно быть, прежде всего из-за ocasionального и первоначально преимущественно устного характера этих документов, особенно завещаний. Грамоты напечатаны в кн. Н. Sweet, The Oldest English Texts, London (1885), стр. 426—460. Кентскими считаются грамоты 4—8, 34—44. Общую характеристику и детальный лингвистический анализ дают: Н. М. Chadwick, The Study of Anglo-Saxon, Cambridge (1941), стр. 13; его же, Studies in Old English, „Transactions of the Cambridge Philological Society“, vol. IV, part. II, стр. 182—8; A. Campbell, An Old English Will, JESPh XXXVII, № 2 (1938), стр. 133—52.

²⁵ A. Campbell, O. E. Will, стр. 149.

²⁶ Грамота 34 805 года пишет *wiorð* (др. а. *weord*), в грамоте 37 805—831 г. *diow* (др. а. *dēow*), в грамоте 36 *ciol* (др. а. *cēol*), *biorn* (др. а. *beorn*). См. Н. М. Chadwick, Studies, стр. 187.

зательство своему предположению Зиверс, Люик видят в написании *trīow* вместо *trēow* в грамоте I 692/693 года²⁷. Единичный пример нельзя считать убедительным аргументом, тем более, что это могла быть просто описка из-за близкой фонетической природы обоих дифтонгов. С другой стороны, неправильно понимать слияние как очень медленный, затянувшийся на несколько веков процесс. Факт сохранения обоих графических знаков *io* и *eo*, на котором основываются подобные предположения, легко объясним традицией и влиянием письма других диалектов. Больше случаев смещения в поздних грамотах и все возрастающая тенденция употреблять написания с *i*-элементом не являются свидетельством параллельно протекавшего фонологического слияния, а только показывает, что, во-первых, данное изменение было недавним явлением, но письмо уже всё меньше и меньше отражало первоначальное фонологическое различие, теперь ставшее чисто письменной традицией, и, во-вторых, что слияние происходило вследствие сужения первого элемента в дифтонге [ɛo] до полной идентификации с дифтонгом [io]²⁸.

Вопросами без ответа пока что остались предположения Бюльбринга о слиянии кратких дифтонгов в каком-то промежуточном звуке [i^o], а также точка зрения, согласно которой переход [ɛo] > [io] был неполным, а потом даже произошло изменение в обратном направлении: [io] > [ɛo]²⁹.

Бюльбринг в своем предположении, видимо, прежде всего исходил из факта сохранения диграфов *io*, *eo* после слияния. Как уже говорилось, это легко объяснить традиционностью письма и необязательно думать, что оба знака употребляются потому, что они должны обозначать какое-то математическое среднее дифтонгов [io] и [ɛo]. При трактовке Бюльбринга слияние нужно понимать как встречное изменение: дифтонг [ɛo] должен суживаться, дифтонг [io] расширяться. Если эту трактовку можно отбросить, просто указав на невероятность подобного изменения, то опровержение утверждений о неполноте перехода [ɛo] > [io] и изменении [io] > [ɛo] должно быть более обоснованным. Такое изменение предполагается для кентского прежде всего потому, что к среднему периоду здесь, как и в других диалектах, краткий дифтонг [io (ɛo)] изменился в [ɛ]. Но [ɛ] необходимо возводить к [ɛo] только в том случае, если стяжение дифтонгов, в том числе и в кентском диалекте, определять формулой Люика³⁰. Так как в кентском диалекте проявляются значительные расхождения с другими диалектами как в ранних изменениях

²⁷ Н. Sweet, ОЕТ, стр. 426.

²⁸ Полное смещение и некоторое преобладание *io*- написаний находим в грамоте 42 837 года (см. А. Campbell, OE Will, стр. 149). Здесь [ɛo] пишется *eo* 6 раз, *io* — 5 раз; [io] пишется *io* 4 раза, *eo* — 2 раза. В более ранних грамотах (34, 36) были только единичные случаи подобного смещения. Конечно, здесь тоже нужно учитывать фактор внешнего влияния; в грамоте 42 этого влияния очень мало.

²⁹ С фонологической точки зрения здесь важно только определить, какие изменения происходили в фонетической природе дифтонгов во время их слияния.

³⁰ К. Luick, ук. соч., § 355: „Der Vorgang bestand im allgemeinen darin, daß die zweite (unbetonte) Komponente schwächer wurde und schließlich ganz schwand, während die erste dieselbe Quantität erhielt, welche der ganze Diphthong gehabt hatte, und in gewissen Fällen einen Teil der Artikulation der zweiten — die Rundung — übernahm“.

всех дифтонгов, так и в конечных результатах развития долгих дифтонгов, можно ожидать, что формулировка Люика здесь не подходит вообще, даже если реликты кратких дифтонгов те же самые, что и в других диалектах³¹. Для окончательного доказательства перехода [ēo] > [io] необходимо, кроме свидетельства орфографии, которое подтверждает излагаемую точку зрения, первое, оценить вероятность того или другого перехода, исходя из фонологической системы, и, второе, сформулировать основные закономерности развития как долгих, так и кратких дифтонгов в кентском диалекте, чтобы, руководствуясь единым принципом, можно было бы правильно объяснить промежуточные этапы развития и его конечные результаты. Это является уже общей проблематикой работы, поэтому частный вопрос перехода [ēo] > [io] будет разбираться ниже параллельно с другими вопросами.

По отношению к кентским дифтонгам упоминается еще одно изменение — так называемая делабиализация дифтонга [io] (др. а. [io], [ēo])³². Делается это на основе написаний *ia*, которые, правда, встречаются только с грамоты 38. Но в грамотах 38—40, 43, 44 имеется 17 *ia* против 12 *eo*, 7 *io*³³. Видимо, по той же причине смешиваются диграфы *eo*, *ea* в *eoster-* (грамота 35; др. а. *ēastor-*), *gegeorwien* (гр. 37; др. а. *gegearwian*), *beorn* (гр. 38; др. а. *bearn*), *bearn-* (гр. 37; др. а. *beorn-*), *bibeaded* (гр. 41; др. а. *-bēodan*)³⁴.

Делабиализация служит своеобразным свидетельством о фонетической природе дифтонга [io], так как она показывает, что второй элемент дифтонга не был огубленным гласным. Фонетически этот дифтонг можно было бы обозначить [i^he] или [iΛ], т.е. как звук скольжения от высокого переднего к центральному гласному, в то время как в других диалектах он был звуком скольжения от высокого переднего к огубленному центральному или заднему гласному — [iθ] или [io]³⁵. Безусловно, это качество имело некоторое значение для дальнейшей судьбы дифтонга — кентский [io] не мог развиваться в лабиализованный гласный, и действительно, в памятниках нет никаких следов такого гласного.

Для правильного понимания дальнейшего развития дифтонгов, которое не всегда засвидетельствовано памятниками, важно выяснить фонологическую сущность ранних изменений.

В случае слияния дифтонгов [io], [ēo] исчезло фонологическое противопоставление по степени раскрытия между двумя однородными по своей фонетической природе фонемами. Даже одно орфографическое свидетельство достаточно явно показывает, что слияние происходило с сужением первого элемента дифтонга [ēo]. Но сужение в кентском диалекте в данное время

³¹ Переход [ēa] > [a] также можно рассматривать как кентскую особенность, потому что здесь дифтонг не слился с др. а. [æ], которое в кентском перешло в [e].

³² См. Н. М. Chadwick, *Studies*, стр. 188; А. Campbell, *Some Old Frisian Sound-changes*. TPS (1939), стр. 86; А. Campbell, *OE Will*, стр. 149.

³³ Н. М. Chadwick, *Studies*, стр. 188.

³⁴ Там же.

³⁵ Знаки для фонетической транскрипции взяты из С. F. Hockett, *Manual of Phonology*, Baltimore (1955), стр. 32.

или несколько раньше претерпели и некоторые другие гласные: [æ] (< герм. e^1 ; герм. $ai + j/i$), [ǣ]. Ввиду этого можно даже говорить о своеобразной тенденции к сужению, затрагивающей целый ряд гласных фонем⁸⁶.

Должно быть, тенденция к сужению первого элемента в дифтонге [ǣa] проявилась так же рано, как и в монофтонге [ǣ]. Она могла привести к смешению дифтонгов [ǣa] и [ǣo], для фонологического противопоставления которых была характерна высокая функциональная нагрузка. Противопоставление могло сохраниться только при сужении первого элемента в [ǣo], хотя сохранение противопоставления, возможно, требовало замедленного изменения дифтонга [ǣa]. [ǣo] скоро слился с [io], потому что оба дифтонга были близки фонетически и их фонологическое противопоставление не имело большого смысловозначительного значения.

Ранние изменения дифтонгов определили дальнейшее их развитие⁸⁷. После слияния [io] и [ēo] в системе гласных остались два долгих дифтонга: [iō], [ēa]. Будучи единственными фонемами скольжения, дифтонги противопоставлялись друг другу как фонемы двух разных степеней раскрытия: [iō] складывался из артикуляции узкого переднего гласного в направлении узкого заднего или центрального гласного. [ēa] артикулировался от переднего широкого гласного по направлению к заднему открытому гласному. Так как дифтонг [ēa] противопоставлялся дифтонгу [iō] большей степенью раскрытия, первостепенное значение для этого противопоставления имел его второй элемент, который сужению не подвергся и, видимо, лишь становился с сужением первого элемента палатализованным. Отсюда легко предполагать появление тенденции все больше и больше выделять второй элемент дифтонга [ēa], в то время как первый элемент должен терять полную звучность [ēa] > [eā], [iā], [jā]. Аналогично больше выделялся и второй элемент дифтонга [iō], так как только таким образом могла сохраниться четкость фонологического противопоставления [ēa] — [iō]:

[iē] > [iē], [jē].

Так в обоих случаях и получалось то, что обычно называется „восходящими дифтонгами“: [jā] (или [jē]) < др. а. [ēa] и [jē] < др. а. [ēo (iō)].

Насколько известно, никто не ставил вопрос о месте „восходящих дифтонгов“ в фонологической системе гласных среднекентского диалекта. Но так как в этом случае обычно говорят о сохранении старых дифтонгов, нужно понимать, что они считаются отдельными монофонемами. Вряд ли такая точка зрения является обоснованной. Прежде всего трудно ожидать, что долгие дифтонги сохранились, когда краткие дифтонги, видимо, давно

⁸⁶ В других диалектах в это время подобных явлений не наблюдалось или они имели более ограниченный характер: уэссекский сохранил $\bar{a}^1$ < герм. e^1 и $\bar{a}^2$ < герм. $ai + j/i$ как широкий [ā], хотя $\bar{a}^2$ в нортумбрийском и мерсийском отражен как узкий [ē]; сужение [ā] произошло, кроме кентского, только в мерсийском. В других диалектах нет никаких следов сужения дифтонгов ни в данный период, ни позже. Появление этой тенденции в кентском требует своего объяснения, но здесь приходится ограничиться лишь ее констатацией.

⁸⁷ В дальнейшем будет говориться лишь о долгих дифтонгах, потому что только их особое развитие отражено в орфографии и только для них такое развитие предполагалось. Вопрос кратких дифтонгов будет рассматриваться позже.

монофтонгизировались и слились с другими монофтонгами. Также если первый элемент реликтов долгих дифтонгов рассматривать как неслоговой полугласный [j], скорее всего можно ожидать, что здесь сочетание [j] плюс какой-то гласный. Очевидно это [ē] (для др. кент. [iō]) и [æ] (или [ē]) (для др. кент. [ēa]).

Этой предварительно вкратце изложенной точке зрения не противоречит орфографическое свидетельство среднекентских письменных памятников.

Не хватает примеров для реликтов дифтонга [iō] в начале слова. Устойчиво пишется *yede* < др. кент. *iode*. Сюда же, видимо, относится *yerþe* (наряду с *erþe*) < др. а. *eorþe*³⁸. Показательно, что так же пишутся слова, где [j] в начале слова этимологический: *yelde* < др. кент. *geldan*³⁹. Так как в *yelde* *ye-* не может быть ничем другим, как обозначением сочетания двух фонем [j] + [ē], оно, видимо, значит то же самое и в *yede*.

Трудна интерпретация реликтов дифтонга [iō] в середине слова, прежде всего из-за очень непоследовательной орфографии: в этом положении пишется *ye* (*ie*), *e*, *y* (*i*) и некоторые другие знаки⁴⁰. Вряд ли даже написания *ye*, *ie* обозначают сохранившееся дифтонгическое или двугласное произношение, так как они употребляются и для обозначения этимологически закрытого долгого гласного [ē], как показывает нижеследующие примеры из *Auenbite*:

zuyetnesse (< др. а. *swētnes*) рядом с *zuetnesse*, *zuetness*, *zuetnesses*⁴¹,
hyere, *hiere*, *hyre*, *yhere* и т.п. (< др. кент. *hēran*)⁴².

Древнеанглийское наречие *hēr* пишется только через *ye* (*ie*): *hyer*, *hier*⁴³.

К этому можно еще добавить, что диграфы *ye*, *ie*, также чередуясь с *e*, встречаются во многочисленных французских словах, где тоже предполагается монофтонг:

chiere < др. фр. *ch(i)ere*,
fyeblesse, *fieblesse* < др. фр. *fieblesse*,
ucontened, *ucontyened*, *ucontined*, *ucontynent* < др. фр. *contenir* (Pr. Ind. 3 Sg. *-tien-*),
clier, *clyer*, *clyre* < др. фр. *cler*⁴⁴.

С другой стороны, реликты др. кент. [iō] очень часто обозначаются *e*, даже в *Auenbite*, где правилом является *ye* (*ie*):

uend, *uyend*, *uiend* < др. кент. *fiond*,
uerþe < др. а. *fēorþa*,
urend, *uryend*, *uriend* < др. кент. *friond*⁴⁵.

³⁸ См. М. Konrath, ук. соч., стр. 164, 166.

³⁹ J. K. Wallenberg, ук. соч., стр. 85.

⁴⁰ См. сноску 1 данной работы.

⁴¹ J. K. Wallenberg, ук. соч., стр. 298.

⁴² Там же, стр. 121—124.

⁴³ Там же, стр. 121.

⁴⁴ Там же, стр. 52, 89, 61, 56.

⁴⁵ Там же, стр. 260, 261, 272.

Для некоторых слов монофтонг единственный знак:

betuene < др. а. *betuēonum*;

tocleue < др. кент. *tōcliofan*;

uleze < др. а. *flēoge*⁴⁶.

Должно быть, эти довольно многочисленные случаи обратного написания, встречающиеся во всех среднекентских письменных памятниках, свидетельствуют, что в середине слова древнекентский дифтонг [iō] изменился в монофтонг [ē]. В таком случае все орфографические знаки здесь свободно варьируют и сохранились лишь благодаря письменной традиции, которая уже не всегда соблюдается. у (i) следует рассматривать как своеобразное сокращение от *ye* (ie).

Написание реликтов дифтонга [iō] только через *e*, *ee* у Вильяма из Шорехема можно рассматривать также только как отказ от этой письменной традиции. Формы *frend*, *freende*, *feende*, *fende* являются такими же кентскими, как и *uiende*, *uriende*⁴⁷ в Роема Морале, в Кентских проповедях, Ауенбите, только в первых, безусловно под влиянием других диалектов, стали употребляться другие знаки. Сохранению диграфов *ue*, *ie* способствовало, конечно, их употребление во французской орфографии для обозначения монофтонга.

Наличие монофтонга на месте ожидаемого двугласного сочетания фонем легко поддается объяснению. Когда двугласная фонема [iō] изменилась в бифонемное сочетание [j] плюс гласный, судьба [j] могла быть разной: полугласный мог сохраниться, но также, ввиду неустойчивости и необычности вновь возникшего сочетания звуков, исчезать. Для середины слова орфографическое свидетельство подтверждает второе предположение. Трудно сказать, мог ли еще сохраняться [j] после некоторых согласных, особенно после дентальных. Такую возможность допускал Йордан⁴⁸. В Ауенбите, действительно, после дентальных регулярно пишутся диграфы:

dyep < др. кент. *dīop*,

dyere, *diere* < др. кент. *dīore*,

dyeucl, *dieucl* < др. кент. *dīofol*⁴⁹.

Но в Роема Морале, Кентских проповедях *ie* чередуются с *e*:

diefle, *dieule*, *deuel*, *deules*, *defles*⁵⁰.

В конце слова дифтонг [iō] по общему мнению изменился в [i], так как он последовательно пишется у (i):

hy, *hi* < др. а. *hēo*,

by, *bi* < др. кент. *bīon*,

ury, *uri* < др. кент. *friō*⁵¹.

⁴⁶ J. K. Wallenberg, стр. 29, 242, 264.

⁴⁷ M. Konrath, ук. соч., 164—166.

⁴⁸ R. Jordan, ук. соч., § 85.

⁴⁹ J. K. Wallenberg, ук. соч., стр. 74, 75—76.

⁵⁰ M. Konrath, ук. соч., стр. 164.

⁵¹ Там же, стр. 164, 165, 167.

В этом положении решающую роль сыграли особые условия ударения. Хотя первоначально дифтонг фонетически изменялся так же, как и в других положениях, тенденция к редукции в конце слова сохранила первому элементу *полнозвучность* и привела к исчезновению второго. В Кентских проповедях имеются написания *ye* (*ie*) (*hye, hie, bie, drie*), у Вильяма из Шорехема *e* (*be, fre*)⁵², но они также должны обозначать [i]. В частности это подтверждают рифмы Вильямса из Шорехема:

*be leuedy; be : domini; be : sty*⁵³.

Аналогично нужно рассматривать изменение древнеанглийского дифтонга [ēa]. Когда первый элемент сузился до полугласного [j] и произошло расщепление дифтонга, дальнейшая судьба возникшего бифонемного сочетания была похожа на судьбу расщепленного [io]. В начале слова [j] сохранился. Поэтому написания типа *ye* (*ia*) преобладают или являются единственными в таких словах, как

yalde, yealde < др. а. *eald*,

yestre < др. а. *ēastre*,

yeare, yeren < др. а. *ēare*⁵⁴.

В середине слова правилом было выпадение [j]. Раньше всего это должно было произойти после групп согласных. Поэтому здесь почти отсутствуют написания типа *ya* (*ia*)⁵⁵:

Аyenbite пишет:

greate, grete, grai < др. а. *grēat*,

stream, streme < др. а. *strēam*,

þreapny, þreapni < др. а. *þrēapian*,

и только

bryead, bryad наряду с обычным *bread*, [breade < др. а. *brēad*⁵⁶.

Потом то же самое произошло и после одного согласного, только, может быть, с некоторыми исключениями.

Наличие монофтонга в большинстве случаев после одного согласного объяснило бы, почему такие слова, как *heued, heued* < др. а. *hēafod, lheaþe* < др. а. *hlēapan*⁵⁷ пишутся только через *ea* — *e*.

С другой стороны, регулярные написания *ea* — *ya* в

dead, dyad, dyead < др. а. *dēad*,

deape, dyap, dyeap < др. а. *dēap*,

teares, tyares, tyeares, tyeres < др. а. *tēar*⁵⁸,

⁵² М. Konrath, ук. соч., стр. 164, 167.

⁵³ Там же, стр. 167.

⁵⁴ J. K. Wallenberg, ук. соч., стр. 7, 130, 80. В *ald* налицо результат развития краткого [ēa], так как удлиняющая группа согласных была в конце слова, а в таких положениях в кентском удлинении нет. *eare, ealde* можно прежде всего рассматривать как традиционное написание.

⁵⁵ На редкость *yea* в этом положении (только один пример) указывал уже Конрат, ук. соч., стр. 57.

⁵⁶ J. K. Wallenberg, ук. соч., стр. 96—97, 235, 255, 43.

⁵⁷ Там же, стр. 116, 144.

⁵⁸ Там же, стр. 74, 238.

притом с явным преобладанием написаний типа *ya*, свидетельствуют, что [j] скорее всего сохранился в середине слова после дентальных.

Объясняя фонетическую природу реликтов др. а. [ēa], мы свои предположения подтверждали наличием распределения написаний *ea* — *e* и *ea* — *uea*, *ya*, *ye*, *y*, принимая первую группу за изображение монофтонга, а вторую — за сочетание звуков, подобно тому как это делал Люик⁶⁹. Сразу нужно заметить, что здесь можно говорить лишь о тенденции письма, потому что никакого строгого распределения знаков нет, и что *uea*, *ya*, *ye*, *y* необходимо просто считать аллографами. Нет никаких оснований, по примеру Люика⁶⁹, думать, что *ye* должен обозначать что-то отличное от *uea* (*iea*), *ya* (*ia*) и т. п.

Указанное распределение могло появиться лишь тогда, когда после расщепления [ēa] произошло исчезновение [j] в некоторых положениях. Тогда в этих положениях чаще стали употребляться монографы *e*, *a*. Одновременно происходило переосмысление употребления диграфа *ea*, который сохранился как традиционное написание. Он тоже стал, как правило, изображением монофтонга, так как для монофтонга он был более подходящим знаком, чем для сочетания [j] плюс гласный.

Конечно, это распределение не было четким. Прежде всего, *ea*, как традиционное написание, сохранился во всех положениях, т.е. и там, где правилом были написания типа *ya* (*ia*), и там, где часто употреблялись монографы. Уж это одно могло послужить причиной аналогичного беспорядочного употребления и других знаков.

Полного смещения употребления знаков не последовало. Это можно прежде всего объяснить тем, что реликты дифтонга отличались наличием или отсутствием [j]. Но факт соблюдения некоторых принципов написания показателен и в другом отношении: многие из этих принципов безусловно зависят от качества гласного, появившегося в результате расщепления дифтонга [ēa]. Особенно показателен тот факт, что *ea*, *ya* употребляются только для реликтов дифтонга [ēa] (этимологически долгого или удлиненного краткого дифтонга). Для реликтов [ēa] в некоторых определенных положениях часто употребляется монограф *e*, обычно чередующийся с *ea*, но *ea*, *ya* никогда не встречается на месте др. кент. [ē]. Это можно считать окончательным доказательством предположения, что в результате расщепления [ēa] появилась гласная фонема, которая противопоставлялась фонеме [ē] большей степенью раскрытия, т.е. [ā] или [ē̄]. Если при расщеплении дифтонга [iō], средний гласный, каким был второй элемент [iō], претерпел сдвиг к более передней артикуляции и слился с [ē], то результатом расщепления [ēa] была новая фонема, потому что в кентском диалекте еще в ранний период [ā] > [ē].

Нерешенным вопросом остаются изменения кратких дифтонгов [ēa], [iō]. Первоначально оба кратких дифтонга изменялись несомненно тождественно своим долгим коррелятам. Это тождество было полным в период удлинения кратких гласных перед гоморганными группами согласных и сокращения долгих гласных. Может быть, те же самые изменения начались несколько

⁶⁹ K. Luick, ук. соч., § 359.

⁶⁹ Там же.

раньше и протекали более интенсивно в долгих гласных, в том числе и в долгих дифтонгах. Например, сужение долгого [ǣ] началось раньше и раньше закончилось, чем сужение краткого [æ̆]. Но если судить по среднекентским письменным памятникам, устранение кратких дифтонгов из фонологической системы гласных произошло куда раньше распада долгих дифтонгов, потому что в орфографии краткие дифтонги не оставили никаких следов.

Приходится предполагать, что развитие кратких дифтонгов привело к стяжению, а не к расщеплению. Скорее всего, на какой-нибудь стадии [ié] и [ea] произошла ассимиляция обоих компонентов. Это можно предполагать, так как акустический эффект при той же самой краткой протяженности должен быть очень похож при произношении узкого [ɛ] и звука скольжения вроде [ié]. В дифтонге [ǣa] второй элемент был сильно палатализованным гласным, равным образом как и монофтонг [ǣ] мог варьировать от переднего произношения до заднего, потому что он был единственным гласным в этой степени раствора⁶¹. Незначительная функциональная нагрузка противопоставления [ǣa] — [ǣ] и фонетическая близость привела к раннему слиянию обеих фонем.

При стяжении кентских кратких дифтонгов качество возникшего гласного определялось фонетической природой второго элемента.

* * *

Развитие древнеанглийских дифтонгов в кентском привело к их исчезновению из фонологической системы гласных так же, как это произошло и в других диалектах.

В ранний период произошло сужение первых элементов в дифтонгах [ǣa], [ǣo]. Сужение в первую очередь затронуло дифтонг [ǣa], хотя оно и не нашло никакого отражения в орфографии древнекентских письменных памятников.

Это можно предполагать прежде всего исходя из аналогии с сужением [ǣ̆] (монофтонга той же самой степени раскрытия, как и первый элемент дифтонга [ǣa]), которое является очевидным и общепризнанным фактом. Особенно здесь важен тот факт, что кентское слияние дифтонгов [ǣo], [io] лучше всего поддается объяснению как результат давления со стороны дифтонга [ǣa], которое он мог оказать лишь при сужении своего первого элемента.

Сужение обусловило своеобразие дальнейшего изменения дифтонгов. В кентском диалекте для фонологического противопоставления дифтонгов первостепенное значение имели их вторые элементы. Постепенно вторые элементы долгих дифтонгов становились слоговыми ядрами, а первые теряли полнозвучность. Это вело к расщеплению дифтонгов [ǣa], [io] в полугласный [j] плюс соответственно [ǣ] (или [ē̄]) и [ɛ̄]. Из вновь возникших сочетаний фонем [j] мог в дальнейшем исчезать.

Краткие дифтонги [ǣa], [io] подверглись стяжению.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Anglų kalbos katedra

[teikta
]1962 m. gruodžio mėn.

⁶¹ В кентском диалекте не было противопоставления [ǣ] — [ǣ̆], так как последний слился с [ɛ]: [ǣ̆] > [ɛ̄].

SENOSIOS ANGLŲ KALBOS KENTO TARMĖS DVIBALSIŲ RAIDA

A. STEPONAVIČIUS

Reziūmė

Straipsnyje nagrinėjami du pagrindiniai klausimai, kurie iš esmės yra du vienos problemos aspektai:

1) fonetinė ir fonologinė senosios anglų kalbos Kento tarmės dvibalsių relikto [fo], [fo], [fa] interpretacija ir

2) šio senosios anglų kalbos dialekto dvibalsių pasikeitimai.

Analizė rodo, kad senosios anglų kalbos Kento tarmės, kaip ir kitų tarmių, dvibalsiai išnyko iš fonologinės balsių sistemos.
